

А. Калюта

**«ДЕТИ ПЛАКАЛИ В БАССЕЙН»: О СПЕЦИФИКЕ
ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
В ТУРЕЦКОЙ АУДИТОРИИ**

При обучении русскому языку иностранцев преподаватель сталкивается с рядом препятствий, возникающих при освоении учащимися языкового инвентаря и моделей грамматики. Одно из препятствий является универсальным, свойственным всем группам учащихся независимо от их национальной принадлежности. Оно создаётся давлением привычных для них языковых шаблонов.

Но у каждого языка шаблоны свои – так из первого препятствия вырастает второе, связанное с доминированием специфических, присущих родному языку языковых клише. Есть также препятствие, причина которого кроется в ином менталитете учащихся, когда этнокультурные, исторические и религиозные традиции, социальные условия нации не совпадают с русскими и могут стоять барьером на пути усвоения материала. Безэквивалентная лексика, несовпадение фоновых значений, паралингвистические различия и различия в ассоциативном мышлении, иные эстетические идеалы, разница в литературных и художественных пристрастиях – всё это составляет различие между национальной картиной мира и русской, которую предлагается изучать [Верещагин, Костомаров 2005].

Препятствием могут быть и непривычные методы обучения, отличающиеся от тех, которые использовали их собственные учителя в школах и лицеях. Даже манера общения преподавателя с учащимися, его настроение, бытовые и словесные реакции могут быть помехой при обучении. Все эти трудности обучения встают и перед турецкими гражданами, овладевающими русским языком.

Авторитет учителя в турецком обществе огромен. Одной из его составляющих является строгость воспитания, иногда подкре-

пляемая телесными наказаниями, которые были свойственны и русской образовательной системе ещё в XIX веке. Один туркменский студент, до русского отделения обучавшийся в медресе, рассказывал, что провинившихся учеников выстраивали в линию, заставляли протягивать вперёд руки и били палкой по пальцам, причём убирать руки запрещалось. Турецкие студенты также вспоминали, как некоторые учителя в начальной школе били их линейкой по голове или заставляли стоять на одной ноге весь урок, если поведение учеников мешало им проводить уроки. Конечно, в Турции эта «методика» уходит в прошлое, ведь страна движется по пути демократических изменений, в том числе и в образовании, но всё-таки не случайно эту старую манеру воспитания отражает популярная турецкая пословица: *Nocanın vurdığı yerde gül biter* – «Где бьёт учитель, расцветают розы».

Вместе с тем в турецких светских учебных заведениях сохраняются некоторые острые проблемы, не свойственные европейским вузам. Так, в Турции на рубеже 2009/2010 годов сначала было разрешено, затем запрещено, а после волны протестов всё же вновь разрешено ношение девушками из сильно религиозных семей платков. До этого разрешения все обязаны были снимать платки в специальном помещении у входа в вестибюль университета, а покидая университет, вновь их там надевали. В принципе, все остальные студенты спокойно реагировали на то, что некоторые девушки сидели в аудитории в платках, ведь турецкое общество в своей основной массе религиозно, и эту его особенность обязательно нужно учитывать преподавателям русского языка как иностранного.

Вообще нашим преподавателям нужно быть готовыми к проявлениям иного менталитета, иных традиций. Например, мы были крайне удивлены, когда посреди занятия вся аудитория внезапно встала и простояла минуту: так ежегодно 10 ноября примерно в девять часов утра турки отмечают печальную дату смерти отца турецкой нации Мустафы Кемаля Ататюрка.

Тем не менее, с некоторыми привычками, полученными ту-

рецами учащимися, очевидно, в средней школе и в лицах, приходилось вести борьбу. Например, очень многие из них не ставили точки в конце предложений. Правила турецкой пунктуации предписывают ставить точку в этом случае; школьные учителя, по словам самих студентов, тоже «говорили нам об этом». Все разъяснения о логике постановки этого знака в конце предложения заканчивались вроде бы пониманием, но для многих всё оставалось по-прежнему. Не спасала и ирония. Как-то один студент, закончив писать на доске предложение, вновь не поставил в конце точку. Не выдержав, я спросил его: «Ялын, ну почему же ты опять не поставил точку?» На что студент абсолютно серьёзно ответил: «Ходжам, я не люблю!» К чести остальных студентов, они прекрасно поняли абсурдность ситуации и впоследствии неоднократно со смехом вспоминали эту ставшей крылатой фразу. С таким проявлением «национального упрямства» приходилось встречаться не раз. Сами студенты, посмеиваясь, говорили мне: «Ходжам, не обращайтесь внимания, это турецкая логика».

Как нам кажется, в сознании «усреднённой» турецкой языковой личности, обладающей целым рядом достоинств и недостатков, удивительно сочетаются открытость, общительность и иррациональность. Даже турецкие исследователи обращают внимание на такое свойство ментальности собственных учащихся: «Наиболее яркое личностное свойство турецких студентов – это их экстраверсия. Экстраверсия положительно влияет на коммуникативный рост личности..., однако в сочетании с таким свойством, как иррациональность, затрудняет «когнитивный» рост туркоговорящих, в особенности негативно влияет на культуру общения в целом и на «чистоту» русской речи в частности» [Ашчи 2012:16].

В течение десяти лет преподавания русского языка в турецком университете мы наблюдали интересную ситуацию «аудиторного билингвизма», при которой на занятиях, как бы мы ни старались его уменьшить, был контакт двух языков: русского и турецкого. Между собой студенты всё равно общались на родном

турецком, и его доминирование в сознании учащихся приводило к многочисленным случаям интерференции.

В целом турецких студентов можно охарактеризовать как современных открытых молодых людей, толерантных и очень воспитанных в общении. Кажется, что непростая история русско-турецких государственных отношений, осложнённая к тому же религиозными различиями, никак не сказывается на них. Больше присущие старшим поколениям турок комплексы, созданные историческим противостоянием стран и религий, молодежи не свойственны. В нынешней Турции растёт число лицеев и университетов (сейчас более десяти), где открываются отделения русского языка, и потому возможность в будущем получить перспективную работу привлекает многих. Что касается способностей и отношения к учёбе, то, на наш взгляд, турецких студентов можно разделить на три группы.

Первую, относительно немногочисленную, составляют одарённые от природы, трудолюбивые студенты, для которых учёба и задания преподавателя – святое. Начиная с первого курса, они настойчиво учат язык, из них впоследствии получаются хорошие учителя в лицеях, преподаватели в университетах, переводчики и бизнесмены.

Вторую, самую многочисленную, группу составляют тоже способные студенты, которые, впрочем, к учёбе относятся не слишком ревностно. Некоторые из них только к концу обучения понимают, что проигрывают в негласной конкурентной борьбе первой группе и пытаются наверстать упущенное.

Третью, самую малочисленную, группу составляют студенты, которым по разным причинам очень трудно учиться. Они становятся студентами русского отделения, потому что попасть на более престижные в Турции специальности у них не было шансов. Такие студенты в течение всех четырех лет обучения имеют задолженности, которые не могут ликвидировать даже через несколько лет после формального окончания университета.

Наши наблюдения в целом совпадают с классификацией турецкого исследователя М. Ашчи, который выделил три типа языковой личности турецких студентов-русистов: типичный студент, успешный студент и наиболее подверженный стрессовым ситуациям студент-формалист [Ашчи 2012: 17].

Так или иначе, но представители всех типов языковой личности турецких студентов-русистов не раз оказывались в ситуациях, приводивших к коммуникативным неудачам, причины которых описаны выше. Рассмотрим наиболее типичные ошибки, которые учащиеся допускают под давлением стандартов турецкого языка.

Фонетические системы русского и турецкого языков достаточно схожи, поэтому для турка освоить русские звуки не так сложно, но всё же некоторые проблемы имеются [Дьяченко 2007]. Как отмечают тюркологи, «восприятие каждого говорящего воспитывается закономерностями фонологической системы его языка, которая является, по меткому выражению Н. С. Трубецкого, «ситом, через которое просеивается всё сказанное». Услышав иностранную речь, незнакомый с фонологической системой данного языка, человек навязывает ей свои языковые навыки» [Вейсалов 1975: 20]. В первую очередь, туркам трудно бывает научиться произносить отсутствующий в турецкой фонетике звук [ц], артикуляция которого часто приближается к [с]: *сырк*, *сыплёнок*, *куриса* вм. *цирк*, *цыплёнок*, *курица*. Однако в случае методически грамотного представления этой аффрикаты как соединения смычки и фрикации [т+с] данная проблема исчезает.

Другим трудным для освоения русским звуком является мягкий долгий [ш']. Мягкое произнесение этого согласного иногда не получается даже у турок, преподающих русский язык и литературу: [*шы*, *женишына*, *помош*] слышится вм. *ци*, *женицина*, *помощь*.

Ещё одну характерную фонетическую ошибку турки допускают, употребляя эпентетический гласный между некоторыми группами согласных. Как отмечают исследователи [Напольнова 2008: 96], она вызвана имеющимся в турецком языке запретом на скопление согласных в начале слов: *сыпрашивать*

вм. *спрашивать*, *сыпасибо* вм. *спасибо*, *вызрослый* вм. *взрослый*, *зыдыравствуйте* вм. *здравствуйте*.

Особенностями турецкой акцентологии вызваны ошибки в неразличении некоторых русских грамматических форм. Ряд исследователей, опираясь на характеристики фонетической структуры слога агглютинативных языков, данных Бодуэном де Куртене, полагают, что тюркским языкам вообще свойственна фонологическая иррелевантность словесного ударения и «отсутствие определённого ударения в основной массе турецких слов» [Щербак 1970; Вейсалов 1990]. Косвенно это подтверждается трудностями в различении турками форм типа *узна'ю-узнáю*, *насыпáть-на́с'ыпать*, *ру́ки-руки́*, *го́рода-города́* и т. п. Мы не раз слышали даже от турецких коллег-русистов фразы типа «*Когда я об этом узна'ю, я вам скажу*», и никакие наши поправки не могли изменить ситуацию.

Отметим также, что для турецкого произношения характерно повышение тона к концу предложения или законченных по смыслу его отдельных частей, если предложение не является логически завершающим текст высказыванием. Это особенность просодики, свойственная и другим тюркским языкам [см. Вейсалов 1990], переносится на русские предложения. Например, турецкие студенты так заканчивали пересказ текста о русской Масленице: «*Во время поста нужно много думать о Боге↑, прощать врагам и близким людям грехи↑. Кроме того↑, во время Великого поста нельзя есть мясную пищу и жирную еду↑. Великий пост в России идёт 7 недель↓*».

Смешение некоторых русских и турецких звуков и лексических форм в речи студентов часто происходит под влиянием лексико-фонетических вариантов, принятых в турецком языке: *Аврү-на* вм. *Европа* (тур. *Avrupa*), *Рүсия* вм. *Россия* (тур. *Rusya*), *Лондра* вм. *Лондон* (тур. *Londra*), *Москова* вм. *Москва* (тур. *Moskova*), *Санкт-Петерсбург* вм. *Санкт-Петербург* (тур. *Petersburg*), *Истанбул* вм. *Стамбул* (тур. *Istanbul*), *Уимбледон* вм. *Уимблдон* (тур. *Wimbledon*).

Различиями в русской и турецкой картинах мира объясняются некоторые лексические ошибки при производстве русских текстов. В этом опять можно увидеть проявление особенной «турецкой логики», но уже не имеющей ничего общего с иррациональностью. Для турка естественно сказать по-русски «птица стоит на дереве»: это семантическая калька турецкой фразы *Kuş ağaçta duruyor*. Когда-то В. В. Мартынов по поводу таких «странных» предложений писал: «Обычное высказывание на естественном языке неопределённозначно. Мы понимаем друг друга, т. к. принадлежим к одной культуре» [Мартынов 1966].

К этому можно добавить, что мы и ошибки делаем, потому что принадлежим к разным культурам. Вот почему нелогичная для русского уха фраза *Я громко слушала музыку* вышла из-под руки турка, для которого примером служила турецкая модель *Ben yüksek sesle müzik dinledim*. Природу этой логической ошибки нужно искать в морфологии: в турецком языке наречия и прилагательные в большинстве случаев морфологически неразличимы, поэтому словоформа *yüksek* может быть использована и в значении прилагательного ‘высокий, громкий’, и как наречие ‘высоко, громко’. Это и является причиной многочисленных ошибок, связанных с неразличением форм и функций русских прилагательных и наречий. Так, фразу *Hava çok kötüydü* турки часто переводили как *Погода была очень плохо*, где *kötü* вне текста означает и ‘плохо’, и ‘плохой’. Фразу *Otelimiz çok rahat* переводили как *Наш отель очень удобно*, где *rahat* означает и ‘удобный’, и ‘удобно’. Таким образом, для турка типичной является подмена прилагательного наречием в составе составного именного сказуемого.

Другую трудность для туток представляет категория рода. В турецком языке род отсутствует, поэтому, например, фразу *Он и она* перевести буквально невозможно (турецкое местоимение *O* характеризуется по лицу и числу, но не по роду), надо выбирать между вариантами *Мужчина и женщина*, *Парень и девушка* и т. д. Привыкание к категории рода в русской грамматике идёт долго и тяжело, ведь турецкие дети в школе, кроме родного языка, изучают, как правило, безродовой английский. Вот почему в речи туток

доминируют мужские глагольные формы, замещающие формы женского рода: *мама сказал сыну, девочка сделал уроки* и т. п. То есть носитель турецкого языка, который стоит перед выбором из двух русских вариантов перевода турецкой фразы вроде *Dün evde miydin?* – *Вчера ты был дома / Вчера ты была дома?*, не всегда выбирает правильный, ориентируясь на отсутствие таковых в родном турецком.

Особую сложность на первых этапах обучения представляет различение существительных мужского и женского рода с нулевым окончанием в им.пад. ед.ч. типа *медведь-площадь, конь-лошадь, ночь-день, смелость-гость*. Такие примеры часто приводят к путанице в роде, что отправляет согласование по неверному пути: *Давно я не видела большую красную медведю!* Отсутствие в турецком языке категории рода привело к отсутствию правила согласования между прилагательным и местоимением в функции определения и существительным. Турецкое определение, предшествующее существительному, не меняет своей формы, даже несмотря на изменение числа существительного: *güzel kız* и *güzel kızlar* (*красивая девушка* и *красивые девушки*). Это правило неопытный турок-русист переносит на русские словосочетания, в результате чего появляются примеры типа: *красивый девушки, новый столы, чистый бельё, мой друзья*.

Турецкие существительные, образующие форму множественного числа, как правило, теряют её, если перед ними стоит количественное числительное. То есть по-турецки при форме множественного числа *parmak-parmaklar, ev-evler* можно сказать *beş parmak, iki ev* (букв. *пять палец, два дом*). Эту же модель турки пытаются применять, образуя русские сочетания, при этом типичная для них ошибка усугубляется отсутствием навыка использования русского родительного падежа после счётных форм: *пять девочки, десять дни, много машины*.

Кроме того, немаркированная форма числа в турецком, отождествляемая его носителями с формой единственного числа в русском (*köpek* – ‘собака’, *kedi* – ‘кошка’), используется для обо-

значения репрезентативного или неограниченного множества. А в русском эту функцию, как правило, выполняет форма множественного числа: *Kedi değil, köpek severim* – Я люблю собак, а не кошек. Как отмечают исследователи, подобное несоответствие приводит к появлению распространённой у турецких учащихся ошибки: *я люблю собаку, а не кошку; я люблю читать журнал, а не книгу* [Напольнова 2008: 97].

Наконец, сказуемое часто не согласуется в числе с подлежащим, особенно когда оно следует за ним: *Из Лондона много людей пришёл и в Москве 15 дней пробыл* (тур. *Londra'dan çok kişi geldi ve Moskova'da on beş gün kaldı*). В этом предложении встретилась также ошибка, очень популярная среди всех тюркоязычных учащихся, которые используют в родном языке один глагол *gelmek* там, где русский различает *ехать* и *идти*: *Я пришёл из Баку; Мы пришли из Стамбула*. Ещё одна лакуна в турецком – глагол *getirmek* – по сравнению с тремя русскими формами *везти/вести/нести*. Турки и азербайджанцы по-русски говорят: *Я принёс из Баку гречку; Я пришёл из Анкары и принёс подарок*.

Природа ещё одной грамматической ошибки объясняется разным порядком слов, принятым в обоих языках. В турецком языке субъект всегда на первом месте, тогда как предикат в предложении занимает последнее место. Именно поэтому турецких учащихся «тянет» поставить сказуемое в конце русского предложения:

Дети играть любят (тур. *Çocuklar oynamayı sever*);

Я в магазин пошёл и еду оттуда купил (тур. *Dükkana geldim ve dükkandan yemek aldım*).

В последнем предложении встретилась ещё одна типичная для турецких учащихся ошибка, вызванная, с одной стороны, иной картиной мира, а с другой стороны, употреблением исходного падежа в турецком: турок покупает не *где*, как русский, а *откуда*. В турецкий исходный падеж можно интегрировать русский родительный с предлогами *от/из/с/из-за/из-под*. Поэтому ничего удивительного, если турок говорит по-русски: «*Я книгу от друга получил*» (*Kitabı arkadaştan aldım*). Калькирование турецких аф-

фиксов исходного падежа (-*dan*, -*den*, -*tan*, -*ten*) является любимой и трудно исправляемой ошибкой: *Я боюсь от темноты*; *Завтра у него экзамен от русского языка*; *Я не боюсь от этого человека*; *От кого ты взял деньги?* (тур. *Karanlıktan korkuyorum*; *Yarın Rusça'dan sınavı olacak*; *O adamdan korkmuyorum*; *Parayı kimden aldın?*) [см. Ашчи 2012: 22].

Особо трудные случаи связаны с неправильным использованием возвратных глаголов и страдательного залога. Трудности вызваны тем, что в турецком языке возвратных глаголов немного, к тому же аффикс возвратности -*n*- стоит непосредственно перед аффиксом страдательного залога или перед аффиксом инфинитива: *yıkamak* 'мыть' / *yıkanmak* 'умываться'. Турку легче использовать переходный глагол с объектом действия, чем возвратный без него: *я мою руки* → *я моюсь*, хотя в турецком выбор для них равнозначен: *Ellerimi yıkıyorum* → *Yıkanıyorum*. Неоднократно приходилось объяснять разницу между возвратными и невозвратными глаголами, тем не менее, даже продвинутые в языке учащиеся нередко ошибались, говоря: *Я учусь русский язык* или *Я учу в университете*. Вершиной же непонимания роли агента действия в предложении со страдательным залогом, отягощённом возвратностью, стали предложения, записанные в ответ на просьбу трансформировать в страдательную конструкцию с действительным залогом:

Яблоки помыли и отдали детям → *Яблоки помылись и отдались детям*;

Кошка поймала и съела мышь → *Мышь поймалась и съелась кошкой*.

Здесь турецкая структура предложения *Fare kedi tarafından yakalandı ve yendi* «продавливает» привычный для турок вариант и приводит к тому, что в русских предложениях субъект становится производителем и объектом действия одновременно, что в данных конкретных случаях входит в противоречие со здравым смыслом.

Как отмечают тюркологи, турецкий язык характеризуется отсутствием исключений. «Все языковые процессы протекают по

единой, исторически сложившейся и достаточно устойчивой схеме, и, в силу этого, турецкий студент из любого грамматического правила делает схему-обобщение» [Ашчи 2012: 18]. Многообразие грамматических моделей в русском языке, большое число исключений (около 500) усложняют процесс обучения, и турецкий учащийся на ранних этапах неизбежно калькирует привычные грамматические конструкции. Например, в турецком языке существует так называемый *двухаффиксный изафет* – притяжательная конструкция из двух имён, которые обрастают аффиксами принадлежности. Если русский скажет *машина папы*, то турок – *babamın arabası*, букв. *папы моего машина его*. Как видим, в отличие от русского, сначала следует обладатель с аффиксом родительного падежа (*babamın*), а затем следует предмет обладания с аффиксом принадлежности (*arabası*). Такой порядок учащиеся пытаются сохранять и при производстве русских словосочетаний: *учителя дом, брата комната, пляжа песок, Турции столица* и др.

Также на турецкий манер учащиеся пытаются применить конструкцию обладания, которая в русском должна выражаться безличными конструкциями типа *у него есть сын, у него нет сына*. Турецкому языку и в этом случае свойственно изафетное построение, которое они переносят на русскую фразу:

Bi adamın oğlu var → *Этого человека сын имеется;*

Bi adamın oğlu yok → *Этого человека сын не имеется.*

Типичной ошибкой является склонение женских имён с нулевым окончанием: *я иду с Айшегюлем, я живу с Денизом*. Но это уже результат влияния склонения русских мужских имён: *я иду с Иваном, я дружу с Михаилом*.

Есть интересные случаи неправильного соотнесения турецких послелогов с русскими предлогами. Различие в месте постановки этих служебных слов практически не создаёт трудностей, а вот специфика их использования проявляет себя в полной мере. Так, турки едут *с автобусом, с самолётом, с поездом*, потому что по-турецки *otobüsle, uçakla, trenle gidiyorum*. Специфическое использование в турецком языке послелога *-ile* иногда в форме аффикса переносится и на русские предложения, где, по правилам,

необходим предлог *в* или где используется беспредложная форма творительного падежа. Так, фраза *Я пришёл с рубашкой и с брюками* *вм. Я пришёл в рубашке и брюках* появилась как калька турецкой фразы *Gömlek ve pantolonla geldim*, а предложение *Я оплатил счёт с чеком* *вм. Я оплатил счёт чеком* появилась под влиянием турецкой модели *Hesabı çekle ödedim*.

Очевидно, сильно развитая синонимия русских предлогов (например, *около, возле, у, вокруг* + род.пад.) стала причиной их неверного использования, в результате чего нарушается логика высказывания: *Вокруг нашего дома была школа*.

Что же касается наиболее характерных для турок лексических ошибок, то здесь ещё раз отметим примеры лакун, когда русским двум формам соответствует одна турецкая. Кроме упоминавшихся выше примеров с глаголами *ехать/идти* и *нести/везти*, часто встречается неправильное использование русских форм *жениться/выйти замуж* на фоне единственной турецкой формы *evlenmek*: *Дочь женилась, сын женился* (тур. *kızım/oğlum evlendi*). Также для турецкого языка свойственно использование одной формы *çekim* для характеристики и склонения, и спряжения. Вот почему у турок, говорящих по-русски, глаголы часто «склоняются».

Характерной ошибкой, отражающей турецкое представление о картине мира, стало использование русского глагола *пить* (тур. *içmek*). Турки не едят суп, как русские, а пьют: *Çocuk çorbayı içti* (букв. *Ребёнок выпил суп*). Также турки там, где русские различают значения глаголов *ревновать* и *завидовать*, объединяют их в одном: фразу *Petya Maşa'ya kıskanıyor* можно перевести и как *Петя завидует Маше*, и как *Петя ревнует Машу*, а определяющим в выборе учащегося становится то, какое слово он знает.

Из существительных-лакун отметим неразличение турками понятий *девочка* и *девушка* (тур. *kız*), отсюда и появление предложений типа *Молодая девочка учит русский язык* (тур. *Genç kız Rusça öğreniyor*).

Большое количество ошибок турецкие учащиеся допускают, когда встречаются с межъязыковыми омонимами. Кажущаяся

лёгкость использования знакомых по звуковому составу слов играет с ними злую шутку. В качестве примера приведём один. В проведённом нами эксперименте [Зинкевич, Калюта 2007] русскую фразу *Генетик создал овцу Долли* 37 человек из 50 перевели на турецкий как *Genetik Dolli koyununu yaratti* вм. *Genetikçi Dolli koyununu yaratti*. Это системная лексическая ошибка, так как в турецком языке слово *genetik* обозначает не человека, а науку (ср.: *politik* – ‘политика’, *fizik* – ‘физика’, *elektronik* – ‘электроника’, *elektrik* – ‘электричество’, *matematik* – ‘математика’). При производстве же русского текста ошибка становится зеркальной: *Политик – часть нашей жизни*.

Вынесенное же в заголовок предложение *Дети плакали в бассейне* явилось следствием сразу двух ошибок. Во-первых, в результате паронимического сближения были перепутаны два близких по звучанию глагола *плакать* и *плавать*. Во-вторых, была допущена системная грамматическая ошибка: перепутаны падежи. То есть фраза, которую хотел записать учащийся, на самом деле должна была выглядеть так: *Дети плавали в бассейне*. В созданном помимо воли самого автора предложении-образе проявилась типичная для турок ошибка, связанная с функционированием в турецком языке пространственных падежей, особенно местного и направительного. Именно их влияние предопределяет появление фраз типа *Я поеду в Анкаре* или *Я лечу в Стамбуле*.

Систематизация типичных ошибок создаёт предпосылки для выработки рекомендаций по их предупреждению, а также помогает понять, как перестроить языковое мышление турок, изучающих русский язык.

ЛИТЕРАТУРА

- Ашчи, М. Русский родительный падеж с позиции носителя турецкого языка. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2012.
- Вейсалов, Ф. Я. О понятии акустического различия в фонетике и фонологии // Уч. записки АПИЯ им. М. Ф. Ахундова. Сер. XII. Баку, 1975. № 3. С.19–23.

- Вейсалов, Ф. Я.* О просодике предложения // Материалы респ. науч. конф. «Актуальные проблемы изучения синтаксиса современного русского языка» (Баку, 19–20 октября 1989 г.). Баку, 1990.
- Верецагин, Е. М., Костомаров, В. Г.* Язык и культура. М., 2005.
- Дьяченко, О. В.* О трёх согласных современного турецкого языка в связи с проблемой турецко-русской интерференции // Вестник СПбГУ. Сер. 9. Филология, Востоковедение, Журналистика. Вып. 2 (Ч. II), июнь 2007.
- Зинкевич, А. В., Калюта, А. М.* Статистическое обоснование межъязыковой омонимии // Материалы XI конгресса МАПРЯЛ : Мир русского слова и русское слово в мире. Т.5. Русский язык в сопоставлении с другими языками. Варна, 2007. С. 106–110.
- Мартынов, В. В.* Кибернетика. Семиотика. Лингвистика. Минск, 1966.
- Напольнова, Е. М.* Особенности преподавания русского языка в турецкой аудитории. // Русский язык за рубежом. 2008. № 4. С. 96–98.
- Щербак, А. М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.